

Серое царство.

Вот так это было...

В одном царстве, в некотором государстве, жили были три сестры.

Одну звали Скука, другую Томность, а третью – Отчаянья.

Сказать, чтобы они жили дружно, так ведь и нет. Сказать, что как-то помогали друг дружке, поддерживали, заступались, так вообще сказать не правду.

И царство то было серым. И жилище сестёр серое. И, даже цветы, высаженные под окнами домов, тоже были серыми. И даже трава на газонах была серая.

И только иногда, редко-редко, по небу проплывали нежно розовые облака.

В такие дни, Скука, глядя на небо, неизменно говорила:

- Ну вот, снова эти розовые облака, - скукачища!

На что Томность отвечала:

- Не к добру всё это, говорю вам – не к добру.

И Отчаянья им вторила:

- Быть беде, пропадём мы все, пропадём ни за что!

Вот так и жили каждый день. То бранились, то, своими вздохами и ворчанием, изводили друг дружку.

Скука, по природе своей, была девка ленивая. Большею частью валялась в кровати и тупо смотрела в серый потолок. Томность более подвижная. От всякого предчувствия, она то температуру померит, то давление. То отвару себе какого серого сварганит.

Ну а Отчаянья, целыми днями слоняется из комнаты в комнату их большого дома, и напевает что-то себе под нос. Но, мелодии и песни у неё получались какие-то заунывные, даже я бы сказал, траурные.

Но однажды, ленивой Скуке, когда она валялась в своей постели, вдруг пришла в голову шальная мысль. И так как сёстры никогда и ничего долго в себе держать не могли, то и Скука тут же высказала свои мысли в слух:

- А что если бы нам пуститься в путешествие? Посмотреть другие царства-государства, например. С людьми другими пообщаться.

- Ну ты и сказанула! – возразила ей Отчаянья: - тоже такое выдумать, другие царства-государства! А ты подумала, сколько там опасности может нас подстеречь? Подумала, как там нас вообще будут воспринимать? Нас вообще там убить могут. А ещё лучше, чего доброго, так вообще четвертовать.

- А я вот жду перемен, каждый день жду чего-то нового: - призналась Томность: порой мне кажется, что вот-вот, ещё чуточку, и что-то произойдёт, что-то такое, что-то невероятное! И такое томление заполняет меня, дух перехватывает!

- Ну вот, - тут же подхватила Скука: - вот и будут тебе новые приключения, и будут новые, новые, новые... , - не смогла подобрать слово Скука, потому и закончила как попало: - ну в общем всё новые и новые.

- Да, ага, разогнались, новые и новые. Новые и новые беды, новые и новые несчастья. Мало вам тут и бед, и несчастья! – высказалась Отчаянья.

- А какие у нас тут беды и несчастья? – поинтересовалась Скука.

- Как какие, как какие, - пыталась объяснить Отчаянья; - смори за окно, день серый, того и гляди, дождь польёт. Соседи злые. Из дому боишься выйти. За дом уже задолжали. Да и вообще, плохо, всё плохо.

- И ладно, пусть плохо, - вдруг заступилась за сестру Томность, - пусть здесь плохо, давай примем предложение Скуки, и пусть снова всё будет плохо. Но, зато, совсем в другом месте.

Одним словом, весь этот вечер они просудачили про путешествие в другое царство, ни к какому решению так и не пришли, и разошлись по своим спальням.

А рано по утру, заказали сёстры карету с четвёркой лошадей и угрюмым ямщиком, с руганью и ворчанием, собрали свои сундуки с вещами, и отправились в путь.

Дорога по Серому царству была уж очень заунывная. Ровная, как отполированный стол дорога, ни ямки, ни колдобинки. Едешь, едешь, только в сон морит. Вид за окном кареты тоже ничуть не вдохновлял своим серым однообразием. Говорить сёстрам было не о чем. Вот и дремали они, каждая на своём месте.

Вдруг ямщик резко остановил коней, да так, что сёстры послетали со своих мест, чуть не разбив головы о стенку кареты.

- Эй, Угрюмый, ты что дрова везёшь? – гневно выкрикнула Томность.

- Нет, не дрова, сухие ветки, - проворчал безразличным голосом в ответ Угрюмый кучер.

Сёстры вытянули головы из окон кареты. Глаза их сделались по блюдечку.

Никогда в жизни они не видели такого разноцветья.

На фоне голубого неба и зелени садов, радужная арка. По обеим сторонам арки солдаты с саблями перед собой. Одного роста, оба с голубыми глазами. В красивых красных мундирах. Шнуры на груди золочёные. Погоны – серебро с золотом. Пояса золочёные. Чёрные и блестящие сапоги до колена. А на лицах улыбки, радостные и как приклеены.

- Глянь-ка, а что это? – с удивлением промолвила Отчаянья: - это же солдаты! Вот мы и приехали! Сейчас начнётся, сейчас мы поплачем.

Но, с большим удивлением ей пришлось отметить, что солдаты, как стояли на своих местах, так и не тронулись с них.

Но, зато к ним подошёл офицер. Так же ярко и красиво одетый. Галантно поклонился. Очаровательная улыбка не сходила с его уст:

- Дамы, рад приветствовать вас в царстве Радости.

- А это что за фрукт? – пробурчала Томность, подразумевая непонятно что, не то это царство, не то этого офицера.

- Извиняюсь, - вежливо отреагировал Офицер: - это никакой не фрукт. Это царство Радости. И мы любезно приглашаем вас посетить его.

- Посетить ваше царство? Скукатища! – ответила за сестру Скука.

Тем не менее, арочные ворота были уже подняты и кучеру велели въехать в это царство.

Хоть сёстры и показывали всем видом, что им скучно, что их томит это царство, что они в отчаянии, что сюда попали, сами же, не отрывали глаз ото всего, что встречалось у них на пути.

Тем временем, кучер, следуя по указателям, прибыл на большую площадь под названием Радость, на которой был сооружён великолепный замок Радости. Посреди площади бил фонтан вознося в вверх разноцветные струи. Окружала площадь невысокая стена из живых ярких цветов. Сам замок был великолепен. Весь из разноцветного стекла. Узоры из разных экзотических растений и птиц украшали его. И музыка, радостная до слащавости, слышалась в том замке на всю площадь. Карета с сёстрами остановилась как раз недалеко от входа. Во дворец вёл не широкий мостик, перекинутый через узкий ручеёк, журчащий серебристыми водами. Сёстры вышли из кареты и осторожно ступили на мостик. Но, только нога первой из сестёр ступила на поверхность мостика, как раздались оглушительные звуки, перекрывающие звуки мелодии, звучащей из замка. И сестра, а то была Отчаянья, чуть не свалилась в ров с серебряной водой. Но, вовремя успевший подскочить к ней офицер, успел взять её под руку.

- Радость-то какая! Радость! – закричала толпа местных зевак, окружившая площадь:
- Радость, Офицер спас даму!!!

Они бурно ликовали и аплодировали. Сёстры же с опаской озираясь вокруг, вступая на мостик, отправились в замок, куда были приглашены. Их завели в большую круглую залу, великолепно украшенную. По кругу залы были расставлены столы, которые изобиловали фруктами и вином. Народ посреди зала радовался, танцевал, пел. Вежливые улыбки были приклеены у всех на лице. Сёстры даже не успели заметить, как оказались в круговороте общей радости. Что на них подействовало? Может вино, которое они могли пить в изобилии с любого стола. Может фрукты, которыми они насыщались досыта. А может и просто, атмосфера радости затянула их так, как и тех, кто радовался и плясал рядом с ними. Лица же их так и оставались бледными, без тени радости и улыбки. Но по ним было видно, что они совершенно не против со всеми разделить их игру в радость. Так они провели весь день до вечера. Вечером, очередной Офицер, отвёл их в покои, отведенные специально для них. И тут у них предстала возможность быть самими собой.

- Ещё бы часок такой радости, и я бы умерла, - простионала Отчаянья.
- Эти плясульки меня совсем утомили, - вторила ей Томность.
- Да ну вас, скукатища. И с вами скукатища, и с ними скукатища.
- А с тобой не только скукатища, а ещё и томно, и отчаяние, - пыталась урезонить Скуку Отчаянья.
- Вы обои утомляете как бесконечная головная боль, - напала на обоих Томность.

И пока они так припирались, в соседней комнате, за шторой, слышались тихие голоса. Сёстры, приложив палец к губам, тихо на цыпочках подошли к самой шторе, и прислушались.

- Не плачь Капелька, не дай Бог, кто увидит. Не сносить головы ни тебе, ни мне. Ты же знаешь, что в этих местах царь издал указ, по которому, если кого-то поймают со слезами на глазах, тому тут же отсекут голову.

Сёстры, шокированные услышанным, так же тихо отступили в глубь комнаты.

- Вы слышали? Ужас какой! – зашептала Отчаянья.

- Ну и что, сказать всё можно. – Стала перечить ей Томность.

- А чего нам бояться, мы с вами зануды, но не рюмзы, - успокоила сестёр Скука.

- Но беды ждать не надо. Лучше уж бежать из этого царства, - решила за всех Отчаянья.

И сёстры в этот раз ничуть не возражали.

Тайком пробираясь длинными коридорами, сёстры увидели за одним из поворотов двух Офицеров. Не замечая сестёр, они мирно продолжали свой разговор.

- Так значит, любезный, ты видел наших новых гостей.

- Не то, что видел, я лично их сопровождал сегодня.

- И как они тебе показались.

- Думаю, не много они ещё продержатся, и полетят их головы.

- Так всё плохо у них?

- Даже ни тени улыбки на лице. А уж до слёз довести, плёвое дело.

- Ну, ну! Что же, тогда порадуемся за них.

Услышав такое о себе, сёстры не на шутку испугались. И уже опрометью бросились из дворца, минуя коридор за коридором.

Выскочили на улицу, отыскивали своего кучера, наперебой давая ему распоряжение срочно запрягать коней и бегом из этого царства.

Ничего не понимая, что произошло, Угрюмый кучер, находясь в полусне, всё-таки запряг четвёрку коней и они срочно поехали по дороге, ведущей из этого царства.

Рысью кони вылетели из радужных ворот. А солдаты, всё так же улыбаясь, так и остались стоять на своих местах.

***

Теперь уже сёстры внимательно следили за дорогой. Да и как тут было не следить?

Дорога постоянно петляла, как пьяная. Постоянно встречались им то ямы, то ухабы.

Сёстрам пришлось ухватиться в карете за что только можно было ухватиться.

А по обочинам дороге, тянулся какой-то очень непонятный лес. Кривобокие сосны, сгорбленные берёзки, перекрученные липы.

Полная луна заливала лес неясным бледным светом. И, причудливые тени тянулись на дорогу от леса.

И казалось, что деревья тянут свои дрожащие ветви, пытаясь схватить карету.

Ужас объял сестёр.

Только кучер всё также угрюмо и безразлично восседал на каблучке (сидении для кучеров) изредка почмокивая губами, и встряхивая вожжами.

Долго ли, коротко ли они так ехали, но, ночь прошла это точно.

Утро их встретило новыми красками.

Небо почему-то стало таким разноцветным, что сразу так и не поймёшь. Серое перемешивалось с голубым. Голубое переходило в розовое. Розовое обращалось в бледно-жёлтое. Бледно-жёлтое в иссиня-чёрное.

И вот, на горизонте показалось царство.

Ещё издали они услышали разухабистое пение, визги гармошки, бречание балалайки, и ещё непонятное мычание неизвестного сёстрам инструмента.

Кучер подогнал четвёрку к полуоткрытым воротам, которые скособочились на ржавых петлях. Над воротами разноцветный петух, крутился, как флюгер.

Ни тебе охраны, ни тебе парадных встреч.

Сёстры вышли из кареты. Робко подошли к воротам, заглянули во внутрь.

Недалеко от ворот, прямо на густой траве, спал какой-то мужик, с блаженной улыбкой на лице. Видимо, что-то уж очень приятное снилось ему.

Отчаянья осторожно подошла к нему, нагнувшись, потрясла за плечо.

Мужик, отмахнулся рукой, что-то нечленораздельное пробурчав сквозь сон. Перевернулся на другой бок, и с той же блаженной улыбкой решил продолжить свой сон.

Но, не тут-то было. За дело взялась Скука.

- Эй ты! Мужичёнка. Пробудись. Пришла пора...а...а! – прокричала она ему прямо на ухо.

Мужик, подскочив сел, оторопелым взором уставился на сестёр.

Постепенно приходя в сознание, и по степени того, как это происходило, губы его стали растягиваться в улыбку.

- А, бабоньки, приветик! Вы как...

- Какие мы тебе бабоньки? – разгневалась Томность: - а ну говори, куда мы вот тут попали?

- Как куда, - всё ещё находясь в не полной сознательности, удивился мужик: - вы попали в царство Веселья!

- Ну вот напасть-то. То тебе радость, то веселье. Чертовщина какая-то. – Пробурчала Отчаянья.

Активно за дело взялась Скука:

- Так, рассказывай, что это за Веселье? И что с нами будет, если мы не станем веселиться? Нам что, голову отсекут?

- Зачем отсекут, вы головы потеряете и так от веселья.

- Как это, - в один голос спросили сёстры.

- А вот я сейчас встану и пойдём, всё вам сам покажу.

С этими словами мужик встал сначала на четвереньки, затем неуверенно стал выпрямляться, придерживая себя за поясницу.

Когда уверенно принял вертикальное положение, махнул рукой в сторону селения, приглашая сестёр следовать за ним.

Следуя за мужиком, сёстры только и успевали, что ворочать головами справа налево и наоборот.

Проходили мимо добротных домов. Сразу было видно, что некогда они были ухоженными и красивыми. Но, каждый дом, каждый двор олицетворяли собой полное запустение. Одни дворы затянула паутина. На других вещи были разбросаны как попало.

Зато, когда пошли трактиры и забегаловки, тут совсем другая картина.

Яркие, зазывающие вывески, разноцветные лампочки, броские рекламы типа: «С кружкой пива ты везде в тонусе и высоте». Ну или там другая глупость написана, неважно. Главное красиво и броско.

- Вот, это наше царство! – восхищался мужик.

И такие же, обрюзгшие, небритые мужики им встречались на каждом шагу. Да и женщины выглядели не лучше в этом царстве.

Однако, вокруг царило веселье. Горланились песни, пиликали гармошки, бренчали балалайки, били в барабаны. Даже в пляс пускались.

А где-то на задворках, развесёлые мужики, с радостью и вдохновением, колошматили друг друга по мордам.

И всё это в атмосфере дружного мирного веселья.

Остановились мужик с сёстрами возле одного очень роскошного дома с огромной вывеской над широкой террасой, уставленной белыми уютными столиками.

На вывеске было лицо красивой женщины и она гласила «Веселуха».

Зашли на террасу, заняли столик.

Тут же к ним подбежал услужливый официант:

- Что прикажете, - спросил он приятным тембром.

- Неси вашу, фирменную, - приказал ему мужик.

Официант тут же пропал. А ещё через минуту, явился с подносом, на котором были четыре фужера и фигурный графинчик с какой-то жидкостью вишнёвого цвета.

Услужливо поставил поднос на столик, рассортировал фужеры, расставив их перед каждым, находящимся за столом, налил каждому по чуть-чуть той жидкости, поклонившись, удалился.

Мужик, подняв свой фужер, сказал что-то вроде тоста:

- Ну, будем за знакомство, - тут же залпом выпил содержимое.

Сёстры, осторожно подняли свои фужеры, понюхали, чем это их должны травить, потом пригубили, сделав по глоточку.

А чего, и на запах, и на вкус напиток им показался очень приятным. А сама жидкость и искрилась, и переливалась, так и просилась как бы говоря: «Выпей меня».

И понеслось и поехало. Наполнялись фужер за фужером. У сестёр даже слегка порозовели щёки. В глазах появился загадочный блеск.

Мужик, уже после третьего фужера свалился под стол. Тут же появились услужливые работники этой ресторации, бережно взяли под руки мужика и вытащили отдыхать на свежий воздух.

А сёстры будто и не заметили такой потери, продолжая наполнять фужер за фужером. И как заведённые повторяли: «Ну, будем!»

В конечном итоге добудькались до того, что и их услужливые работники этого заведения вынесли просыпаться на свежий воздух.

Первой, рано по утрам, очухалась с похмелья Скука.

Подняла свою растрёпанную голову, огляделась мало соображающим взором вокруг.

Чуть ли ни в обнимку недалеко лежали Томность и Отчаянья.

Подползши к ним на четвереньках, Скука потрясла обоих за плечо:

- Эй, просыпайтесь!

Сёстры, в ответ, только как-то невнятно промычали, и, повернувшись на другой бок, всё так же продолжали опочивать.

- Ну и скука же с вами, не скука, а вся скукатища! – ворчала Скука, силясь подняться с колен на ноги.

Когда ей это удалось, нетвёрдой походкой побрела в глубь двора на котором они спали. Во дворе она обнаружила колодец, видимо сделанный специально, чтобы люди, с похмелья, когда сушит горло, могли бы вот так отпаиваться.

Что, с превеликим удовольствием и сделала Скука.

Потом ей в голову пришла шальная мысль, которая только то и может, что приходиться от скуки.

Набрала полное ведро воды, подошла к спящим сёстрам, и выплеснула всю воду из ведра на них.

Сёстры подскочили, ошалелыми глазами глядя на Скуку:

- Тебе что, делать нечего? – завизжали они в один голос.

- А что, вы правы, мне действительно делать нечего.

- Ох, в голове непонятно что творится, томность какая-то, - пожаловалась Томность.

- Какая там томность, там просто кошмар какой-то делается, я вообще впаду сейчас в полное отчаяние.

- Скукатища вас слушать. Пойдём-ка лучше подлечимся?

- Чем? – опять в один голос спросили Томность и Отчаяния.

- Чем, чем, от чего заболели, тем и лечиться будем.

Сёстры встали и друженько, то есть ухватившись друг за дружку, направились к столикам.

Когда они рухнули на стулья ближайшего столика, к ним тут же подошёл официант, который их обслуживал накануне:

- Что изволите сударыни?

- А нам того, вчерашнего графинчик, - сделала заказ за сестёр Томления.

- Хорошо с, извольте с. Только сначала оплатите вчерашние заказы.

- И сколько? – поинтересовалась Скука.

- С вас сто пятьдесят тугриганов, и восемьдесят песиев.

Отчаяния стала рыться у себя в сумке, ибо она была казначеем среди сестёр.

Но, в её серой сумочке и половину того, что было надо, не было.

Отчаяния с отчаянием посмотрела на сестёр, ища их помощи.

А те тоже застыли на своих местах, как мумии.

- Что, платить нечем? – догадался официант: - тогда у нас есть долговая тюрьма.

Посидите там, в тесном общении с крысами, пока не найдёте, как выплатить долг.

- Что вы, что вы! – нашлась Скука: - Вот, мы сейчас наберём нужную сумму, и ещё закажем, - потрясла Скука перед носом у официанта своей тощей сумочкой, служившей ей больше для красоты, чем, что-то в ней носить: - а вы пока идите, обслуживайте других.

Как только официант отвернулся от их столика, Скука скомандовала:

- Бежим!

Сёстры вскочили со своих стульев, и что силы пустились на утёк.

Бежали быстро. Куда, то похмелье делось!

Но, надо сказать, что никто их догонять и не собирался. Кто был с похмелья, кто спал, ещё не отойдя от похмелья, а кто бодрствовал, уже был так на взводе, что им бежать было ну ни как.

Выскочив из Весёлого царства, сёстры закричали дремавшему кучеру:

- Угрюмый, Угрюмый, быстро коней, быстро отсюда!
- Что опять хотят вам головы рубить? – забубнил Угрюмый.
- В тюрьму хотят посадить, да и не твоё это дело. Твоё дело, лошадьми распоряжайся,
- напала на Угрюмого Томность.

Было бы сказано. Лошади запряжены и тихой неспешной рысцой, отправились дальше в путь, покидая Весёлое царство.

***

Долго ли, коротко ли теперь лежал их путь, трудно сказать. Сёстры спали, просыпались, поругавшись снова засыпали. И так пока ямщик не остановил четвёрку у очередного царства.

Сёстры высунулись из окон кареты.

Их взору предстал забор, сделанный из металла, выполненный превосходно, художественной ковкой. В сплетении узора, были видны и яблоки, и груши, и виноградная лоза, и разные цветы.

Высокие ворота, выполненные в том же стиле.

За этим прекрасным забором, взору сестёр предстал замечательный сад. А, из глубины того сада, слышалась тихая, прекрасная музыка.

- Не в рай ли мы прибыли? – выразила догадку Отчаянья.
- Если в рай, то где Ангелы? – усомнилась Томность.
- Да что там гадать, пошли и посмотрим. Тут смотрите, даже ни охраны и вообще никакой живности не наблюдается, - как всегда, категорично высказалась Скука.

Сестры вышли из кареты и осторожно, украдкой, стали подбираться к воротам.

Неожиданно, из-за кустов, выскочили семь гномиков. На головах у них были колпаки с бубенцами на верхушке. Бубенцы чуть слышно и очень мелодично позванивали. И когда еле заметно качали головами, образовывалась очень прекрасная мелодия.

- Приветствуем вас незнакомки. Добро пожаловать в царство Умиления: - тонким, но вежливым голосом заговорил, с виду, самый старший гном, с большой и седой бородой, с бровями, застилающими глаза.

И, расшаркиваясь в поклоне, жестом руки пригласил сестёр в ворота.

- Миленько, - вместо привычного «сुकатища», вымолвила Скука.

Сёстры последовали за гномами в сад.

Они шли мимо благоухающих цветов, тонкий аромат которых пьянил. Уже, в состоянии эйфории привели их гномы на прекрасный луг. В середине его, вырываясь из серебристых камней, вверх устремился фонтан, брызгами захватывая солнечные лучи, радужным сиянием ниспадая на серебристые камни.

Всё казалось таким чудным, таким сказочным.

Но, гномы не остановились у фонтана, а повели сестёр дальше.

Там, в глубине сада, была сказочная беседка. В середине её стоял круглый стол на одной фигурной ножке. На столе великолепная ваза, вокруг которой были расставлены пиалы. Разноцветные трубочки, как щупальца, тянулись из вазы. И из

тех пиал медленно поднимался пар. Из одной жёлтый, из другой голубой, из третьей красный, из четвертой сиреневый, из пятой оранжевый, из шестой синий, из седьмой зелёный.

Над самой вазой, эти струи пара сливались, в один очень белый, до боли в глазах, шар.

Сестёр усадили на лавки, которые обрамляли весь периметр беседки, и тихо удалились.

С минуте те сидели в недоумении.

Потом заговорила Томность:

- У...у..., сестрички, что-то тут не так, что-то тут нечисто.

- Да брось ты, утомись хоть на минутку. Что тут не так, такие милые гномики, а сад какой красивый!

- Вот то и оно, всё как-то очень ладненько получается, - поддержала сестру Отчаянья. Неизвестно сколько бы ещё так бранились сёстры, но сладковатый запах исходящего пара, всё больше и больше кружил головы сёстрам. В глазах из стал появляться лихорадочный блеск.

Направив взгляд на кусты, Скука вдруг вскрикнула:

- Ой, сёстры, смотрите какой потешный зайка!

- Где? – в один голос спросили Томность и Отчаянья.

Скука указала им рукой в ту сторону, где она, якобы, видит потешного зайца.

- Да нету там никакого потешного зайца, - надула губы Томность: - зато там весьма привлекательный мишка медвежонок.

- Да не, не, сёстры, вы что совсем слепые? – там лисёнок рыжий-вертлявый.

- И в самом деле, зайка пропал, - неожиданно согласилась Скука: - вместо него какая-то бледная мерзкая рожа.

- Какая рожа, что ты плетёшь. Это лопата, или... мотыга? – неуверенно поправила Скуку Томность.

- Так, вы там ещё подеритесь, что несут, что несут! Да кошелёк там! Гляди как золотом расшитый и как переливается.

Потом сёстры стали озиаться, рассматривать сад, плотным кольцом окружающий беседку. И такие видения видели, от прекрасных до ужасных, и их настроение так быстро менялось, что скоро они безмерно устали и пали головами на стол, вдыхая слащавый аромат тихо струившегося из чаш пара.

Опомнились они уже в красиво убранной комнате, каждая на очень удобной тахте.

И каждую из них окружали гномики, тихо звеня бубенцами на своих колпаках.

- Что здесь происходит? – пытаюсь встать, запротестовала Скука.

- Не беспокойся милая, - приступил к ней гномик, очень похожий на ребёнка лет пяти.

В коротеньких штанишках на ляпочках, совершенно без бороды и усов, с растопыренными ушами и носом картошкой.

Голос его был до того тоненький, как нота «си» второй октавы. И бубенчик на его колпаке вторил в тон его голосу.

- Не бойся, - повторил он. Вы наши пленницы. Ещё дней семь, и вы уже так привыкните к нашим ароматам, что куда бы ни пошли, без них уже существовать не сможете.

- Что...о...о! Наркотик!? – Возмутилась Отчаянья.

- Наркотик, наркотик, - закивали головами гномы, создавая вообще невообразимую, но даже чем-то завораживающую музыку.

Сёстры поднялись со своих лож, сели в тесный кружок, чтобы не допускать до себя гномов, и стали держать совет:

- Радостными мы уже были, чуть голов не лишились. Весёлыми были, чуть в тюрьму ни угодили и чуть ни лишились всего состояния. Вот только теперь стать наркоманками нам и не хватало. Миленькое дело! – запричитала шёпотом Томность.

- Ну уж это мне вовсе не мило, - пыталась возражать Отчаянья.

- Остановитесь сёстры, дудки им, не о том думаете, - урезонила сестёр Скука: - давайте соображать, как нам отсюда убраться.

С минутку посидели, соображая, что делать.

- О, я догадалась, - вдруг вскрикнула Скука: - Пока мы здесь и дышим этими ароматами, мы у них в плену. А ну-ка сёстры, достаём свои платочки, прижимаем к носу, и тихо, тихо бредём к выходу.

Так они и поступили.

И, как это ни странно, но никто из гномиков за ними не погнался.

Выбравшись из сада на свежий луговой воздух, они снова стали торопить Угрюмого:

- Давай, пошевеливайся. Нечего дрыхнуть тут. А то, привыкнешь, так здесь и останешься.

***

Вскоре они были уже в пути.

Сначала запахи скошенного луга, а за тем свежесть леса, совершенно выветрились из голов сестёр дурманящий аромат царства Умиления.

Сутки они тряслись в дороге, пока карета, запряженная четвёркой лошадей, не выкатилась к некоему населённому пункту.

Селение не было огорожено. Ни ворот, ни заборов, ни стражи.

Карета спокойно въехала в этот населённый пункт, и остановилась на широкой, мощёной площади.

Сёстры вышли, огляделись.

Чистые улицы. У каждого дома газон и цветники. Площадь, на которую они въехали, окружена была домами, в которых находился целый ряд магазинов. Отдельно стояла таверна.

Мимо них проходили люди, с очень открытыми симпатичными лицами. И, что-то особенное было в их лицах, особенно в ясных спокойных глазах.

- А что это за населённый пункт? - решила спросить Скука у проходящей рядом с каретой женщины.

- Город любви, - скромно ответила женщина.

- Этого ещё не хватало! – возмутилась Отчаянья: - нас тут не изнасилуют?

- Что вы, что вы! – успокоила её женщина: - любовь не творит зла. Вам нечего опасаться в нашем городе.

Сёстры с нескрываемым любопытством, уставились на женщину. А та, отвечая на их немой вопрос, продолжала:

- Любовь терпелива, добра, она не завидует и не хвалится, она не гордится, не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла, не бесчинствует, она не ищет выгоды себе, она не вспыльчива, не радуется неправде, а сорадуется истине; Любовь, всему верит, всего надеется, всё переносит.

- Надо же! – только и могла ответить Томность.

На это женщина лишь вежливо кивнула головой и поспешила по своим делам.

Оглядевшись по сторонам, сёстры решили отправиться в таверну, подкрепиться с дороги.

У входа в таверну их встретил приветливый метрдотель, и приветливо проводил до свободного столика.

Когда сёстры расположились за столом, к ним тут же подошёл официант, любезно подав каждой в руки меню учреждения. И пока те выбирали блюда, не заметно отошёл.

Прежде чем заказать что-нибудь, сёстры осмотрелись.

Зал в таверне был почти полон людьми. Кто-то ел, кто-то просто весело разговаривал.

Некоторые сидели у стойки бара с коктейлями в руках.

В зале звучала тихая, плавная музыка. Вся атмосфера располагала к хорошему настроению и отдыху.

Через какое-то время на маленькую сцену, которая была расположена в дальнем углу зала, вышли аккуратно одетая девушка, взяла в руки микрофон и запела чистым, нежным голосом. Она пела про то, как встретила любовь всей своей жизни. И каким счастьем, и радостью теперь наполнено её сердце.

В меню бросилось в глаза, что блюда очень просты, без каких бы то ни было вычурных названий. И цены уж очень доступные. И, что интересно, отсутствовали какие бы то ни было, спиртные напитки.

Сёстры сделали заказы. Ждать им долго не пришлось. И к ним, на подносе, официант вынес всё заказанное.

Выглядели блюда очень аппетитно. А когда попробовали, то их оценки не было меры. И куда-то делось привычное слово Скуки «сुकатища». И совершенно не было слышно, чтобы Томность жаловалась, как её томит обстановка. И Отчаянья не заламывала руки над блюдом, показывая, как ей всё отвратительно.

После того, как они восстановили свои силы, подкрепившись в таверне, набравшись духа бодрости и любви, сестры вышли, чтобы знакомиться с городом.

Всё в этом городе было простенько, всё располагало к знакомству и прекрасным отношениям. Очень удобные скамейки в скверах и сквериках. Открытые дворы с зелёными беседками, увитыми виноградными лозами.

Сёстры заметили, что в этом городе много молодых пар, гуляющих с детьми, катящими перед собой детские коляски. И немало пар, просто гуляющих.

Дорога привела их к реке, которая тихо и безмятежно несла свои светлые и чистые воды в неведомую даль.

Живописный бульвар вдоль берега, с рядом скамеек среди клумб, усеянных прекрасными цветами.

Сёстры облюбовали скамейку вблизи реки, и решили чуточку отдохнуть.

А, через малое время, к ним подошли молодые парни:

- Вы не откажите в таком одолжении, разрешите с вами познакомиться? – выйдя чуть вперёд, заговорил один из них.

Глядя в глаза незнакомцев, в сердце у сестёр появилось ощущение такой радости и долгожданности, ощущение чего-то такого, которого они раньше никогда не испытывали.

Парни представились:

- Нежный, - отрекомендовался первый.

- Милый, - сказал второй.

- Скромный, - потупив свой взгляд в землю, представился третий.

Впервые в жизни сёстрам стало так стыдно за свои имена, что они и не знали, стоит ли им самим представляться.

Парни, как будто поняли их состояние. И, каждый из них, подошёл к одной из сестёр, которая ему понравилась.

К Скуки подошёл Нежный. К Томности, Милый, к Отчаянье – Скромный.

Когда парочки разошлись в разные стороны, Нежный привёл Скуку на край обрыва.

Этот обрыв, как бы возвышался над городом и рекой. Сев на самом краю, предложил сделать тоже самое Скуке.

Та, опасаясь чего-то нехорошего, начала отказываться от этого рискованного предложения. Но, Нежный ласково, ненавязчиво, взял за руку Скуку, и нежно усадил её рядом с собою.

И когда та удобно умастилась рядом с Нежным, неведомая уверенность во всей действительности вдруг возникла в её сердце.

- Посмотри, как мирно садится солнце за рекой и лесом, - указал Нежный рукой на закат: - смотри, как неспешно разливается алая полоска, провожая солнце! Еле заметные тени крадутся от реки, чтобы стереть алую полоску. Но ты точно знаешь, что завтра снова солнце взойдёт на востоке, и многие, и многие краски приобретут новые силы. Жизнь продолжится вновь. И Любовь, которой мы поклоняемся, прямо из Вселенной, войдёт в новый день. И, когда это видишь, разве может скука опутать сердце?

И пока так говорил Нежный, перед глазами Скуки проплыли все видения последних дней и событий.

Она чётко увидела царство Радости с его вычурными, броскими красками. Искусственными улыбками, надуманным настроением.

И тут же это царство в ней окрасилось серым, невзрачным цветом.

Увидела в себе и царство Веселья. Разнообразие красок, которого даже трудно описать. И ей стало понятно, что жители этого царства, пытаются забыть и не повторять каждый прожитый день.

И какая-то промозглая серость с кровавым оттенком покрывало в её сознании — это царство.

Увидела и царство Умиления. Одурманенный мозг, усилено воспринимающий дурманящие запахи бесконечной однообразной музыкой бубенцов.

И серый цвет, переходящий в чёрный, в её сознании, покрыл это царство.

И лишь закат солнца, живой струёй, потоком спокойной жизни, пробудился в ней. Живые разнообразные цвета, уходили в темень, чтобы в следующий день пробудиться с новой силой в своей естественности и утверждающей любви.

Она обернулась к Нежному и робко спросила:

- А можно я, вот с сего часа буду зваться не Скукой, а Нежной?

- Конечно же, - просто ответил Нежный: - ты просто до сего часа не знала себя.

Нежная оглянулась, она увидела в других местах, на других обрывах своих сестёр.

Увидела, как Томность взяла за руку Милого, как зарделось её лицо, заливаясь ярким румянцем. Как мило она смотрела на своего избранника. И поняла Нежность, что её сестра, некогда Томность, очень милая.

В другом месте, прижавшись друг к другу, у самого края обрыва, стояли Отчаянья и Скромный. Решительность и отвага горели в глазах сестры. И сама скромность не позволяла ей рассказать об этом всему миру!

А над ними витала и кружила Любовь, взмахами нежных крыл, посылая им лёгкий ветерок, освежая их краски и чувства.

***

А я вам так скажу: «Не важно, кто ты, мужчина или женщина. И в какой стране ты живёшь. И, какие климатические или политические условия тебя окружают. Ты можешь быть и скукой, и томностью, и отчаянием. И долгие годы жить в сером царстве.

И будет это до тех пор, пока ты не встретишь Божью любовь.

Но, если ты её встретишь, Божью любовь, твоё серое царство преобразуется навсегда!»

Так что, давай, дерзай, встречай!!!